

Чэн Суцин жила со своей матерью с детства, и и мать, и ребенок были похожи на грязных личинок в канализации. Чэн Суцин смотрела свысока на тех людей, которые были грязными, неряшливыми, но ничего не делали, и ненавидела свою мать, которая была и ругала ее на каждом шагу. Если бы она могла, она хотела бы вернуться в чрево своей матери бесчисленное количество раз, и она скорее умереть, чем родится из ее чрева.

С детства она хотела большой чистый дом с ярким светом и белыми стенами. Но на самом деле она жила с мамой в тесном доме площадью 30 квадратных метров. В этом 30-метровом доме спальня, задернутая занавеской, кухня и туалет были разделены сваленной на земле одеждой, которую некуда было положить. Кухня и туалет были обращены друг к другу, а к еде примешивался грязный и рыбный запах.

У женщины, родившей Чэн Суцин, был резкий голос, сварливый и эгоистичный характер. Когда она была ребенком, Чэн Суцин не знала, сколько раз она жестоко проклинала ее. Она надеялась остаться такой несчастной до конца своей жизни и надеялась на раннюю смерть.

Затем эта женщина умерла, как и ожидалось, осталась только Су Ань, чей биологический отец неизвестен.

Чэн Суцин не хотела быть похожей на свою мать. К сожалению, после того, как эта сука умерла, Чэн Суцин действительно хорошо ее понимала.

В прошлом на вершине были другие, но теперь, когда на вершине была сама Чэн Суцин, она знала, как устала.

Он молча передал кусок салфетки Чэн Суцин, но когда Чэн Суцин взяла салфетку, она уставилась на пальцы Су Аня: «Что произошло».

На нем были следы серебряного порошка, окружающие палец в форме круга.

Су Ань опустил глаза: «Зять взял меня примерить кольца, сказав, что примеряет обручальное кольцо для тебя. Это случайный след, оставленный в ювелирном магазине».

Лицо Чэн Суцин внезапно стало безобразным: «...» Через некоторое время ее ожесточенные реакции немного утихли, она стиснула зубы и сказала: «Возвращайся, когда отдохнешь».

Когда Су Ань подошел к вершине лестницы, он остановился, но не оглянулся: «Сестра».

Чэн Суцин погрузилась в свои мысли: «А?»

Голос Су Аня был низким: «Спасибо, что вырастила меня».

Сказав, он поспешил наверх.

Чэн Суцин на мгновение опешила. Она не знала, сколько времени прошло, она встала со стула, словно на ступни ей налили свинец, она тяжело вернулась в свою комнату.

Комната в темноте была пуста и чиста.

Чэн Суцин соскользнула на пол у двери комнаты, ее руки дрожали, когда она достала свой мобильный телефон и набрала несравненно знакомый номер.

Ее мысли металась влево и вправо, и день за днем всплывало прошлое.

Телефон зазвонил и был подключен к другому абоненту. Раздался радостный и нежный голос мужчины: «А Цин».

Чэн Суцин закрыла глаза, и у нее потекли две капли кристально чистых слез: «Чу Линь, Шэнь Чжансю знает о наших отношениях».

Дыхание специального помощника Чу внезапно стало тяжелым, но он быстро успокоился. Он медленно успокоил эмоции Чэн Суцин: «Все в порядке, А Цин, не бойся. У меня есть способ».

Чэн Суцин внезапно потеряла сознание. Она закрыла рот и залилась слезами. Слезы текли сквозь ее пальцы: «Чу Линь, я не могу попасть в аварию, я не могу...»

Специальный помощник Чу: «Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось».

Чэн Суцин дрожала и бессвязно говорила: «Он слишком ужасен, и он также взял Су Аня, чтобы померить кольцо. Я не могу попасть в аварию и не могу выдать Су Аня...»

Специальный помощник Чу был сбит с толку, он не понял смысла ее предложения, но все же сказал: «Не волнуйся, А Цин, у меня есть информация, которую можно использовать против Шэн Чжансю. Он не может сдвинуть нас. Даже если я не смогу выполнять эту работу в будущем, я отвезу тебя в другой город. Давай жить хорошо. Если ты хочешь двухэтажный дуплекс, то давай еще осмотрим дом и купим немного твоей любимой зелени, ладно?»

- У меня все есть, не волнуйся.

Чэн Суцин закрыла глаза, вздохнула и сказала: «Хорошо».

...

В конце такого утомительного дня Су Аню, скромному работнику, пришлось рано вставать на следующий день и идти на работу к Хэ Сижаню.

Когда он встал, небо было еще не полностью светлым. Раннее солнце спряталось за темно-синей занавеской, и уже щебетали птицы. Яркое золотое солнце осветит росистые сорняки через час, и тогда начнется день.

Все в этом мире настолько реально, что иногда ему кажется, что его воспоминания о другом мире — это сны.

Су Ань не спал в постели, он открыл свой телефон и увидел сообщение.

Тон прост и силен: умойся и приходи.

Су Ань сначала подумал, что получил не то текстовое сообщение, но когда он увидел его снова, это был Хэ Сижан.

Хэ Сижан сказал такие вещи, представляя возможность того, что Су Ань будет сегодня ходить полуголым или даже полностью обнаженным.

Су Ань: «...»

Он чувствовал, что это было немного странно. Он не может представить себя голым перед Хэ Сиранем. Он не боялся раздеваться перед Хэ Сижанем, но боялся, что Хэ Сижан холодно посмотрит на него этими бесстрастными глазами. Художник был одет прямо, и оделся он так, словно в любой момент мог пойти на фотосессию.

Когда он подумал об этом, ему стало душно.

Су Ань принял ванну ради искусства. Было еще рано, когда он спустился вниз, Чэн Суцин еще не должна была проснуться в это время, а Шэнь Чжансю уже ушел в компанию, и он не собирался сталкиваться ни с одним из них.

Но как только эта мысль пришла в голову, Су Ань остановился на первом этаже, ошарашенно глядя на багаж, брошенный на пол в холле.

Глаза Чэн Суцин были темно-синими, и она выглядела угрюмо. Ее тонкие брови изогнулись злобной дугой, и она швырнула его студенческую сумку на землю. Затем она строго сказала Су Аню: «Собери свои вещи и убирайся отсюда!»

Су Ань был совершенно ошеломлен и тупо смотрел на эту сцену.

Горничные опустили головы и не участвовали, Чэн Суцин усмехнулась и наступил на одежду, выброшенную из молнии багажа: «Су Ань, в этом году тебе исполнилось восемнадцать. Я вчера немного подумала. Теперь, когда ты стал взрослым, ты должен усердно работать самостоятельно. Что за то, что ты целый день живешь в доме своей сестры? Если ты не стыдишься меня, то я стыжусь тебя. А теперь бери свои вещи и уходи».

«Сестра...» Су Ань пришел в себя и с изумлением посмотрел на Чэн Суцин: «Ты...»

Чэн Суцин прямо перебила его. Она нетерпеливо скрестила руки на груди, ее красные губы открылись и закрылись: «Чэн Суань, ты действительно хочешь, чтобы я позвонила кому-нибудь, чтобы выгнать тебя? Тебе даже лицо не нужно?»

Су Ань смотрел на нее несколько секунд, затем опустил голову. Он молча присел на корточки, чтобы упаковать свой багаж, и вышел из дома Шэнь, неся тяжелые предметы.

Его спина выглядела растерянной. Его внезапно выгнала из дома собственная сестра утром с таким плохим отношением. Ребенок, который только что вырос и еще толком не научился зарабатывать деньги, терпит убытки.

Чэн Суцин посмотрела ему в спину, и уголки ее губ сжались.

До двенадцати часов она прогнала Су Аня.

Но после того, как Шэнь Чжансю узнает об этом, что с ней случится.

Чэн Суцин саркастически улыбнулась и пробормотала про себя: «Поторопись и уходи, а то я об этом пожалею».

...

Су Ань схватил свой чемодан и побежал к обочине дороги за пределами виллы. Он вызвал такси и поехал прямо в больницу, чувствуя себя очень сложно.

Он знал, что Чэн Суцин выгнала его ради его же блага.

Су Ань изначально думал, что Чэн Суцин ненавидит его и будет использовать его, чтобы удовлетворить просьбу Шэнь Чжансю. Он думал о всевозможных плохих результатах, но не думал, что Суцин... намеренно прогонит его.

Отправив лекарства в больницу для тестирования, Су Ань вышел и сел на корточки на обочине дороги, глубоко вздохнув.

На лбу выступил тонкий слой пота, а большая просмоленная дорога была освещена жарким солнцем с неприятным запахом. Су Ань возился со своим мобильным телефоном, планируя найти место, где можно было бы поселиться.

Если Чэн Суцин действительно продала его и намеревалась использовать Су Аня, чтобы что-то сделать, то Су Ань также мог впоследствии полностью игнорировать их родственные отношения. Но теперь забудьте об этом, он не может стоять и смотреть, как Чэн Суцин ступает в яму.

Необходимо выяснить тайну Шэнь Чжансю, тайну бывшей жены Шэнь Чжансю, Хэ Фэйюй, и причину, по которой Шэнь Чжансю и Чэн Суцин быстро обручились через три месяца.

Он не может смотреть, как Чэн Суцин прыгает со скалы, не подтягивая ее.

В адресной книге его мобильного телефона мелькнул номер, палец Су Аня дернулся и остановился на номере.

...

Когда Хэ Сижан вышел из спальни, Су Ань уже официально сидел на диване.

Голова у него была опущена, обе руки покорно лежали на коленях, затылок был бледным, а крошечные волоски трепетали от низкой температуры. Это вилла Хэ Сижаня, где он живет один. Она оформлена в стиле, который предпочитает Хэ Сижан; тяжелые шторы плотно задернуты, в комнате полумрак, как будто это последнее послесвечение перед закатом.

«Господин Хэ». Подросток, о котором раньше нельзя было сказать, что он был послушным, заговорил без всякой уверенности: «То, что вы сказали раньше, все еще считается?»

Хэ Сижан тихонько прислонился к дверному косяку комнаты, словно возвышающаяся гора, перегородившая все дороги перед Су Анем.

«Что сказал?»

В тусклом свете маленький кусочек кожи на шее Су Аня был ослепительно белым, и взгляд Хэ Сижаня снова и снова привлекал этот белый цвет, а тон его голоса становился беззаботным.

«Вы сказали, что вашу сестру убил Шэнь Чжансю, а моя сестра выйдет замуж за Шэнь Чжансю через три месяца... как их родные братья, мистер Хэ, я думаю, у нас одна и та же цель».

Выражение лица Хэ Сижаня не изменилось, и он безразлично сказал: «Итак».

Су Ань серьезно посмотрел на Хэ Сижаня: Хэ, у вас нет доказательств того, что Шэнь Чжансю убил мисс Хэ. В этом деле замешаны не только вы, но и я, и моя сестра, и я хочу расследовать это дело вместе с вами».

После того, как Су Ань так много сказал, Хэ Сижан, казалось, не тронулся. Он вынул сигарету и закурил. Его лицо расплылось, а голос был пропитан дымом, он был немного морозным и хриплым. — Но ты не поверил тому, что я сказал раньше.

Су Ань: «...»

Он задохнулся. Он никогда не думал, что такие люди, как Хэ Сижан, перевернут старые счета.

Он действительно потерял дар речи, поэтому смог лишь дважды смущенно улыбнуться Хэ Сижаню.

Робко, как отчаянный фонарь, он бьется головой во тьму, невзирая на опасности впереди.

«...» Пламя в глазах Хэ Сижаня вспыхнуло.

Су Ань все еще говорил таким жалким тоном: Мы можем работать вместе?

Хэ Сижан посмотрел на него, и его взгляд опустился вниз. Су Ань, кажется, чувствовал холод от ступней, а пальцы его ног подсознательно согнулись. Летние шорты доходят только до колен, спускаясь вниз, икры у него белые, а ноги прямые. Его маленькая лодыжка послушно пожала плечами несколько раз, что очень соответствовало эстетике в глазах Хэ Сижаня.

— Ты принимал душ перед приходом? — внезапно сказал Хэ Сижан.

Су Ань на мгновение опешил: «Я умылся».

Хэ Сижан потушил сигарету. Настроение у него было серьезное, даже было какое-то легкое нетерпение: «Подойди сюда, я проверю».

Су Ань изумленно посмотрел на Хэ Сижаня, его круглые глаза расширились, и он не понял, как тема перескочила на этот пункт: «Проверите?»

Иди сюда — приказал Хэ Сижан.

Художник должен осматривать тело манекенчиков после душа, что немного похоже на постыдную игру и не совсем чисто. Но наденьте это на тело Хэ Сижаня, с высокомерными волосами этого человека, это тоже кажется нормальным.

Су Ань на мгновение заколебался. Но в этот момент Хэ Сижан слегка нахмурился, как будто этот осмотр был актом терпения, который он заставил себя вести.

Су Ань медленно шагнул вперед: «Г-н Хэ, как вы хотите проверить?»

Хэ Сижан сказал: «В контракте сказано, что ты можешь принимать полуобнаженные и полностью обнаженные позы».

«Правильно», — голос Су Аня становился все более и более расплывчатым, его руки хватились за подол рубашки, он нерешительно спросил: «Хотите, чтобы я снял всю свою одежду?»

Хэ Сижан поднял взгляд и бросил половинку сигареты. Сигарета несколько раз прыгнула в мусорное ведро, и сигаретный пепел рассыпался на клочок увядшей травы: «Ага».

Он нашел в ящике одноразовые медицинские перчатки и медленно надел их на руки: «Подними свою одежду».

Тусклый свет над их головами кажется головокружительным, преломляя сбивающее с толку множество цветов. Су Ань непривычно задрал одежду перед высоким мужчиной. Почувствовав холод на животе и груди, он психологически отдернул руки.

Пальцы в перчатке холодно легли на его тело, и мужчина, словно профессиональный врач, холодно и рационально проверял чистоту Су Аня, без примеси каких-либо эмоций или похоти.

Часть лица подростка была в основном красной, его мочки ушей превратились в ярко-красные драгоценные камни, и он отвернулся.

Его губы были плотно сжаты, а рука, поднимавшая одежду, дрожала от напряжения.

Как это вдруг стало такой сценой?

<http://bllate.org/book/15646/1398793>